

18+

МАРИ О

КАЛИБР 12

ИСТОРИЯ УРАЛЬСКОГО СТРЕЛКА

Мари О

**Калибр 12. История
уральского стрелка**

«Издательские решения»

Мари О

Калибр 12. История уральского стрелка / Мари О —
«Издательские решения»,

Основано на реальных событиях, произошедших в г. Пермь. В сентябре 2021 года студент первого курса юрфака совершил одно из самых громких массовых убийств в истории современной России. Эта книга — попытка исследовать не сам факт насилия, а путь к нему. Мы погрузимся во внутренний мир человека, для которого эмпатия была чужим языком. Это история о том, как абсолютная внутренняя пустота рождает чудовищ. И почему иногда самый страшный ответ на вопрос «Что внутри?» — это тишина.

© Мари О

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Костыли и бетон	7
Глава 2. Камера	11
Глава 3. Глаз Бога	14
Глава 4. Школа №12	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Калибр 12

История уральского стрелка

Мари О

© Мари О, 2026

ISBN 978-5-0070-4962-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга — художественное произведение, созданное на основе событий, произошедших 20 сентября 2021 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ). Главный герой этой истории, Кирилл Каменский, является литературной проекцией реального преступника.

Я, как автор, ставила перед собой задачу не просто реконструировать хронологию того дня, которая широко известна из материалов уголовного дела и новостных репортажей. Моя цель была иной и, возможно, более сложной — исследовать анатомию пустоты. Понять, какой путь проходит сознание от отчуждения в школьном коридоре до решения взять в руки оружие и переписать реальность кровью.

В основу повествования легли открытые материалы следствия, судебные документы, заключения судебных психиатров о наличии у него шизоидного расстройства личности, а также многочисленные публикации журналистов, пытавшихся составить портрет «пермского стрелка». Вся история рассказана через внутренние монологи героя, его воспоминания и записи, которые он мог бы вести.

Читатель не найдёт здесь вымышленных диалогов или взгляда со стороны других персонажей. Фокус намеренно сужен до одной точки — сознания самого Кирилла. Это сделано для того, чтобы понять логику абсурдного, увидеть мир его глазами, где эмпатия — чуждый язык, а человеческая близость вызывает физиологическое отторжение.

Эта книга — попытка ответить на вопрос «почему?», зная, что этот ответ может оказаться страшнее самого преступления. Я сознательно изменила имена, географические названия и некоторые детали биографии, чтобы сфокусироваться не на конкретном человеке, а на самом явлении — рождении насилия из тотальной внутренней пустоты.

Все совпадения с реальными людьми и событиями являются случайными.

Глава 1. Костыли и бетон

Боль — это не то, что ты чувствуешь. Боль — это то, что ты помнишь. Сейчас, когда я лежу на этой койке, зафиксированный ремнями и опутанный трубками капельниц, я не чувствую ровным счетом ничего. Наркоз — лучший друг человека, который только что лишился части себя. Он забирает всё: и агонию, и страх, оставляя лишь гулкую, звенящую пустоту. Но я помню. Я помню всё до мельчайшей детали, как будто это произошло секунду назад.

Это был звук. Не выстрел. Звук был до выстрела. Это был хруст. Глухой, влажный хруст, с которым пуля калибра 7.62 входит в живую плоть и дробит кость. Я услышал его изнутри себя. Это не было похоже на кино, где герой красиво отлетает назад. Я просто почувствовал удар кувалдой по бедру, а затем — мгновенную потерю опоры. Мир накренился, и я упал. Но самое страшное было не падение. Самое страшное было то, что я попытался встать.

Я оперся на левую ногу, чтобы подняться, и почувствовал, как подо мной разверзается бездна. Там, где секунду назад была твердая опора, мышцы и кость, теперь была лишь тошнотворная пустота и дикая, рвущая на части инерция падающего тела. Я рухнул обратно на асфальт, и удар выбил из меня остатки воздуха. Я лежал на спине, глядя в серое небо Североуральска. Дождя не было, но воздух был тяжелым, свинцовым, пропитанным запахом пороха и чего-то еще... чего-то металлического и горячего. Запахом моей собственной крови.

Я не кричал. Это важно. В фильмах люди кричат от боли так, что лопаются стекла. Я не издал ни звука. Горло перехватило спазмом, словно невидимая рука сдавила кадык. Я мог только хрипеть, пытаясь втянуть в себя этот густой, отравленный воздух. В ушах стоял звон, сквозь который пробивались другие звуки: топот тяжелых ботинок по брусчатке, крики людей где-то далеко внизу (я лежал на небольшом пригорке перед входом), и этот... этот ритмичный стук.

Тук-тук.

Тук-тук.

Это стучало мое сердце? Нет. Слишком размеренно для паники. Это был звук шагов. Кто-то шел ко мне по мокрому асфальту, и каждый шаг отдавался в моей голове набатом.

Я скосил глаза влево, туда, откуда шел звук. Надо мной нависла тень. Высокий силуэт в темной форме, подсвеченный сзади тусклым светом фонаря у ворот института. Человек остановился в паре метров от меня. Он не спешил подходить ближе.

— Лежать! Не двигаться! — голос был спокойным, даже будничным. Так говорят люди, для которых это просто работа.

Я видел его силуэт на фоне неба. Он стоял широко расставив ноги, держа пистолет двумя руками в классической стойке «Вивера». Он целился мне в грудь. Я смотрел на него снизу вверх, лежа в луже собственной крови, которая уже начала остывать на холодном ветру.

«Стреляй», — подумал я тогда.

Это была не мольба о пощаде и не вызов судьбе. Это была констатация факта. Логическое завершение уравнения, которое я начал писать утром того дня. Я пришел сюда с ружьем Huglu Atrox двенадцатого калибра, чтобы переписать правила игры для этого города. И вот результат: я проиграл первый же ход. Фигура повержена.

Но он не стрелял.

Вместо этого он начал говорить в рацию. Слова долетали до меня обрывками: «...подозреваемый нейтрализован... требуется скорая... огнестрельное...». Он вызывал подмогу и медиков для того самого человека, которого только что пытался убить.

Это было нелогично. Это было иррационально с точки зрения системы координат, в которой я существовал всё это время. В моем мире всё было просто: есть хищник и есть жертва. Есть действие и есть противодействие равное по силе действию. Если ты стреляешь в полицей-

ского — полицейский стреляет в тебя до тех пор, пока угроза не будет устранена полностью. То есть — пока ты не перестанешь дышать.

А он медлил.

Я перевел взгляд с его силуэта на свою ногу — точнее, на то место, где она должна была быть. Левая штанина джинсов была разорвана в клочья, пропитана чем-то темным и блестящим. И там... там была странная геометрия излома конечности под неправильным углом.

Воспоминание: Детская больница Глазова.

Мне тогда было три года или четыре? Я не помню точно. Помню только боль в горле, которая была со мной всегда, словно раскаленный гвоздь внутри пищевода. Я не мог глотать еду нормально — она застревала или шла обратно рвотой. Врачи называли это «врожденная патология». Для меня это звучало как приговор к вечному голоду.

Помню операционную. Холодный свет ламп над головой слепил даже через закрытые веки (мне дали наркоз раньше времени). Помню запах спирта и йода. И помню чувство абсолютной беспомощности.

Они вскрыли меня тогда, чтобы починить то, что сломала природа или случайность при рождении. Они резали по живому маленькое тело, чтобы я мог жить как все остальные дети — есть манную кашу без боли.

И вот сейчас история повторялась с пугающей точностью. Меня снова резали по живому, чтобы спасти то, что уже невозможно было спасти как целое.

Тук-тук.

Тук-тук.

Шаги приближались снова? Нет, это просто эхо в моей голове отдается ударами о стенки черепа.

Полицейский опустил пистолет стволом вниз, но продолжал внимательно следить за мной. Я видел это боковым зрением — его напряженная поза не изменилась ни на миллиметр. — Ты меня слышишь? — спросил он уже тише, почти без металла в голосе.

Я хотел ответить «да», но из горла вырвался лишь сдавленный хрип пополам с бульканьем крови во рту.

— Держись... Скорая уже едет.

«Зачем?» — снова пронеслось у меня в голове бессмысленным вопросом.

Зачем мне держаться? Чтобы что? Чтобы провести остаток жизни прикованным к инвалидному креслу или костылям? Чтобы каждый день просыпаться с осознанием того, что я проиграл? Что мой план провалился так быстро и так нелепо? Что я стал тем самым «неудавшимся стрелком», о котором напишут пару строк в криминальной хронике Североуралья?

Я закрыл глаза.

Тьма была милосерднее этого серого неба и этого спокойного голоса над моей головой. В темноте не было боли от раздробленной кости и запаха собственной мочи (я обмочился от шока — тело предало меня окончательно). В темноте был только покой.

Но покой длился недолго.

Сирены выли уже совсем близко со всех сторон сразу: пронзительный визг «скорой помощи» смешивался с утробным басом полицейских машин ППС.

— Давай-давай-давай! Сюда! — закричал мой надзиратель куда-то за мою голову.

Я почувствовал прикосновение чьих-то рук к моим плечам и шее. Кто-то надел мне жесткий шейный воротник-стойку (C-collar), зафиксировав голову намертво.

— Пульс нитевидный! Давление падает! Кровопотеря критическая! — женский голос над ухом был резким и профессиональным.

Меня начали грузить на жесткие носилки. Каждое движение отдавалось адской вспышкой боли в бедре, хотя тело уже начинало неметь от шока и холода асфальта.

— Аккуратно! Аккуратно! Не кантовать! — командовал кто-то еще один медик.

Мир перевернулся вертикально вместе со мной на носилках. Теперь я смотрел не в небо Североуральска, а на крышу салона «скорой помощи», когда меня задвигали внутрь через задние двери фургона марки «Газель» или УАЗ «Профи». Запах внутри был специфическим: смесь карболки, дешевого пластика и медикаментов.

Кто-то воткнул мне иглу капельницы прямо через рукав куртки (или они её уже срезали? Я плохо соображал).

— Группа крови? Резус? — спросил врач у кого-то снаружи или у напарника рядом со мной.

— Не знаем! На месте определим!

— Ставь плазму! Быстрее!

Двери захлопнулись с глухим стуком, отсекая звуки внешнего мира: вой сирен, крики зевак за оцеплением (они всегда сбегаются поглазеть на чужую смерть), команды полицейских оцеплять периметр.

Двигатель взревел, носилки подо мной дернулись вперед от резкого ускорения машины.

Мы ехали в больницу номер один Североуральска — ту самую ГKB №1 на улице Ленина или как она там называлась сейчас после очередного переименования улиц в честь героев СВО... Мне было плевать на названия улиц города, который я ненавидел всем своим существом еще до того, как взял в руки ружье.

Воспоминание: Палата реанимации.

Я очнулся от яркого света хирургических ламп прямо над лицом. Они горели так ярко, что выжигали сетчатку даже сквозь закрытые веки (или у меня были открыты глаза?).

Вокруг суетились люди в зеленых хирургических костюмах и масках. Их лица были скрыты за белыми повязками — безликие фигуры из моего кошмара наяву.

— Зажим Кохера!

— Сестра! Сестра! Кровь давай!

— Наркоз уходит! Он сейчас очнется!

Я почувствовал укол в вену на сгибе локтя (или это была та же капельница?), а затем мир снова начал погружаться в теплую вязкую патоку забытья.

«Не засыпай!» — приказал я себе мысленно из последних сил сознания.

«Смотри! Запоминай!»

Это важно для отчета самому себе потом... если будет это «потом».

Я приоткрыл глаза настолько, насколько позволял вес век (или это анестезиолог нажал мне на лоб?). Сквозь туман наркоза я увидел свою ногу... точнее то, что от неё осталось ниже колена.

Там была сплошная рваная рана, из которой торчали осколки кости цвета слоновой кости вперемешку с лохмотьями мышц и кожи (или это были просто бинты?). Хирург работал быстро: он зажимал артерии («лигировал», как они это называют), отсекал мертвые ткани («дебридмент»), пытаясь остановить фонтанирующее кровотечение из бедренной артерии («экстренная ампутация по жизненным показаниям»).

Я видел всё это сверху? Или сбоку? Или это просто мозг дорисовывал картинку по звукам скальпеля («щелк-щелк»), звону инструментов о металлический поднос («дзынь») и хриплому дыханию хирурга?

«Сохранить жизнь любой ценой», — вот их девиз.

Они спасали не человека Кирилла. Они спасали биологический объект с остановившимся кровотечением и работающим сердцем (пока еще работающим). Они выполняли протокол экстренной хирургии при минно-взрывных или огнестрельных ранениях конечностей

с повреждением магистральных сосудов (повреждение бедренной артерии ведет к смерти от кровопотери за 2—3 минуты).

Они ампутировали мне ногу выше колена (экзартикуляция бедра), чтобы спасти то, что осталось выше раны — тазобедренный сустав и тазовую кость с жизненно важными органами малого таза (мочевой пузырь, простата). Они отрезали часть меня как гнилую ветку у дерева ради спасения ствола.

Последнее, что я помню перед тем, как окончательно провалиться во тьму операционной — это ощущение падения внутри собственного тела... словно душа отделилась от плоти и наблюдала за этим процессом со стороны безучастно и холодно.

А потом пришла темнота...

Глава 2. Камера

Тишина здесь имеет вес. Она не звенит, как в операционной, где я очнулся после ампутации. Там тишина была стерильной, пустой. Здесь, в камере следственного изолятора Североуральска, тишина плотная, осязаемая. Она давит на барабанные перепонки, оседает на языке привкусом ржавчины и застарелой пыли. Это тишина бетонного куба три на четыре метра, где единственным источником света служит тусклая лампа под потолком, забранная в стальную решетку. Она горит двадцать четыре часа в сутки, выжигая грань между днем и ночью, превращая время в бесконечную серую ленту.

Я сижу на привинченной к полу железной койке. Матрас тонкий, как лист бумаги, и такой же жесткий. Я опираюсь спиной о стену — холодную, шершавую. Моя левая нога... то, что от неё осталось, покоится на койке. Культя забинтована, но я чувствую фантомную боль. Иногда мне кажется, что пальцы на несуществующей ступне сводит судорогой, и я пытаюсь пошевелить ими. Мозг отказывается принимать новую реальность. Он посылает сигнал мышцам, которых больше нет.

В углу камеры стоит «параша» — унитаз из нержавейки без крышки. Запах хлорки не может перебить запахи человеческого отчаяния и нечистот. Это место создано для того, чтобы сломать человека. Но я не чувствую сломленности. Я чувствую пустоту и странное, холодное любопытство исследователя.

Я веду дневник.

Это единственное, что мне разрешено из письменных принадлежностей — несколько листов бумаги и дешевая шариковая ручка «Віс». Я пишу мелким, убористым почерком, заполняя страницу за страницей. Я описываю свои действия двадцатого сентября не как оправдание, а как протокол эксперимента.

«08:14. Вход на территорию ПНИУ (Политехнический институт Североуральска). Охранник (объект А) не проявил должной бдительности. Реакция на появление вооруженного субъекта — ступор (0.8 сек). Выстрел произведен с дистанции 4 метра. Попадание в область грудины. Объект А нейтрализован».

Я пишу это сухо, безэмоционально. Как инженер составляет отчет о сбое в системе. Потому что это и был сбой. Сбой в программе этого города, этих людей, этой жизни. Я был лишь инструментом перезагрузки.

Металлическая дверь камеры лязгает, вырывая меня из потока мыслей. В маленьком окошке для раздачи еды («кормушке») появляется лицо надзирателя. Он не смотрит мне в глаза — это стандартная практика безопасности при контакте с особо опасными преступниками.

— На выход. К следователю.

Я медленно поднимаюсь. Это целое искусство — встать на одной ноге и удержать равновесие с помощью костылей так, чтобы не выглядеть жалким. Костыли мне выдали казенные, деревянные, тяжелые и неудобные. Они скрипят при каждом движении, этот звук действует мне на нервы громче сирен «скорой».

Я подхожу к двери. Надзиратель отпирает замок дистанционно. Дверь с тяжелым гулом отъезжает в сторону.

— Лицом к стене.

Я подчиняюсь. Я чувствую затылком его дыхание или просто тепло его тела в узком коридоре? Он быстро и профессионально обыскивает меня: проводит руками по бокам, спине, проверяет подмышки и паховую область (где нет ничего), затем касается моей культи через ткань штанов-балахона.

— Чисто.

Мы идем по коридору СИЗО. Бетонный пол холодит подошву моего единственного ботинка (на левой ноге — специальный тапок для протеза). Ритм наших шагов разный: его — тяжелый и уверенный бой кованых берцов; мой — глухой стук дерева о бетон и металлический лязг костыля при переносе веса.

Тук-тук...

Стук...

Тук-тук...

Стук.

Этот ритм напоминает мне шаги того полицейского у ворот института. Тот же размеренный стук судьбы.

Мы проходим мимо других камер. За толстыми стальными дверями я слышу жизнь: чей-то кашель, неразборчивое бормотание телевизора (разрешено только тем, кто на хорошем счету), иногда — глухие удары кулаком о стену или крик отчаяния.

«Я здесь не один», — думаю я без малейшего намека на сочувствие. Это просто факт географии.

Меня заводят в допросную — комнату два на два метра без окон. Стол и два привинченных к полу стула по разные стороны. На столе — стакан с мутной водой и пепельница (я не курю). Следователь уже здесь. Он сидит спиной к двери и что-то печатает на ноутбуке.

Я сажусь напротив него. Костыли клацают о ножку стола и остаются стоять рядом со мной как безмолвные стражи.

— Добрый день, Кирилл Андреевич, — говорит он, не отрывая взгляда от экрана. Голос усталый.

— Здравствуйте.

Он наконец закрывает крышку ноутбука и смотрит на меня. Взгляд оценивающий, но без злобы. Для него я — просто работа. Папка с делом номер 102 тома уголовного производства по факту массового убийства (статьи 105 ч. 2 п.п., 317 УК РФ). Он видел фотографии с места преступления: лужи крови на асфальте перед входом в ПНИУ, тела под белыми простынями на носилках во дворе института (я насчитал шесть таких свертков перед тем, как меня увезли). Он знает всё.

— Как самочувствие? — дежурный вопрос.

— Жить буду, — отвечаю я ровно.

Он кивает и достает из папки несколько листов бумаги.

— Я ознакомился с вашими показаниями от двадцать третьего сентября... Вы тогда были не совсем в себе после операции и наркоза... Но сейчас вы выглядите адекватным. Вы подтверждаете всё сказанное ранее?

Я смотрю ему прямо в глаза. В них нет ничего: ни жалости к жертвам (он слишком долго работает для этого), ни ненависти ко мне (я для него просто объект).

— Да. Подтверждаю полностью.

— Мотив? Вы писали в своем манифесте... который отправили перед тем как пойти туда... что хотели проверить себя и общество на прочность. Это всё еще так? Вы действительно считаете это достаточным основанием?

Я делаю паузу, чтобы сформулировать мысль так точно, как только возможно на бумаге или в словах.

— Достаточным для чего? Для суда? Нет. Для понимания того, что произошло? Да. Вы смотрите на это как на преступление против людей. Я смотрю на это как на физический эксперимент с социумом Североуральска. Я создал критическую ситуацию и наблюдал за реакцией системы: студенты прыгали из окон (выживаемость при падении со второго этажа), охранник умер мгновенно (эффективность огнестрельного оружия), полиция среагировала через семь минут (скорость реакции правоохранительных органов). Данные собраны.

Следователь слушает молча, постукивая ручкой по столу.

— А шесть погибших? Около пятидесяти раненых? Это тоже «данные»?

Я пожимаю плечами так естественно, насколько позволяет поза на костылях.

— Побочный эффект эксперимента. Неизбежные потери при тестировании системы на пределе возможностей. Если бы они были готовы... если бы система была устойчива... жертв было бы меньше или не было вовсе.

Он качает головой и закрывает папку.

— Вы чудовище, Кирилл Андреевич.

Я усмехаюсь одними уголками губ. Это слово меня не задевает. Оно слишком простое для описания того вакуума внутри меня, где должны были быть эмоции.

— Возможно. Но чудовище ли я потому, что сделал это? Или потому что я единственный здесь говорю правду о природе вещей? Вы видите во мне зло. Я вижу лишь логику событий.

Следователь встает из-за стола.

— На сегодня достаточно. Подпишите здесь и здесь.

Он подвигает ко мне протокол допроса и ручку «Віс». Такая же, как у меня в камере для дневника. Я читаю текст быстро — там нет расхождений с моими словами. Я ставлю подпись: размашистую букву «К» с длинным хвостом под фамилией.

Меня уводят обратно в камеру. Шаги по коридору звучат эхом моего одиночества: *стук-клац-стук*. Дверь камеры захлопывается за мной с тем же тяжелым лязгом металла о металл — звук окончательного приговора задолго до суда.

Я возвращаюсь к койке и беру дневник. Лампа под потолком жужжит тихо и монотонно. Я пишу последнюю строчку за сегодня:

«Вторник. Допрос №5. Объект „Следователь“ продемонстрировал признаки эмоционального выгорания и когнитивного диссонанса при попытке рационализировать иррациональное поведение субъекта».

Я закрываю тетрадь и кладу её под тощую подушку — единственное безопасное место от шмонов надзирателей (хотя они редко заходят ко мне). Я ложусь на спину и смотрю в потолок.

Тишина снова обволакивает меня плотным коконом. В этой тишине нет раскаяния за содеянное или страха перед будущим пожизненным сроком («ПЖ»). В этой тишине есть только звенящая пустота сознания человека, который совершил непоправимое и теперь методично фиксирует распад собственной личности для истории или для Бога (в которого я не верю).

Я закрываю глаза и засыпаю под гул вечной лампы над головой, ожидая следующего дня в этом бетонном гробу с видом на вечность через решетку окна под потолком коридора (*нам разрешено смотреть туда только во время прогулки в бетонном стакане двора*).

Глава 3. Глаз Бога

Память — это не кино, где кадры сменяют друг друга по порядку. Память — это лабиринт. Ты можешь идти по коридору настоящего, и вдруг одна деталь — запах хлорки, скрип костыля, тусклый свет лампы — выбивает кирпичную кладку в стене, и ты падаешь в прошлое. В моём случае это всегда падение вниз, в темноту.

Я снова там. Мне семь лет. Мы живем в Старом Заводе (в простонародье так называется Глазов), в панельной пятиэтажке на окраине, где окна выходят на бесконечную серую зону. Воздух здесь всегда пахнет гарью и чем-то кислым, но из нашей квартиры на пятом этаже этот запах кажется далеким. Здесь пахнет иначе. Здесь пахнет уставшим мужчиной и борщом.

Их брак был как треснувшая посуда — еще держит воду, но уже протекает. Они не кричали. Они существовали в режиме холодной войны. Отец приходил с ночных дежурств (он работал охранником, а до этого служил по контракту, видел Сирию), молча ел и падал спать. Мать работала на износ на заводе и пыталась заполнить тишину суетой. Я был её проектом. Её «идеальный ребенок».

Пока отец был на службе, а потом на работе, она лепила из меня то, что могло бы спасти её брак. Или то, что должно было стать её оправданием.

— Ты должен быть лучше всех, — говорила она, проверяя мой дневник. В её голосе не было радости. В нём была сталь и отчаяние.

— Ты — всё, что у меня есть. Я смотрел на неё и понимал: я не её сын. Я её последняя надежда на победу в войне, которую она уже проиграла.

Отец же был просто тенью в дверном проёме. Он не воспитывал. Он лишь изредка ронял тяжёлые фразы: «Будь мужиком», «Не ной».

Его любовь была как его служба — где-то далеко, в горячей точке, куда мне не было доступа.

Отец сидит в кресле перед телевизором. Он уже пришел со службы. На нем камуфляжные штаны и серая майка, которая обтягивает его крепкое, но уже начинающее оплывать тело. Он ветеран. Он был там, где песок и смерть имеют одинаковый цвет. Он редко говорит о Сирии, но когда говорит, его голос становится тише, а взгляд — тяжелее свинца.

Я сижу на полу у его ног и разбираю его табельный пистолет. Макаров. Для меня это не оружие. Это идеальный механизм. Холодная, выверенная геометрия. Отец разрешает мне это делать после того, как я выучил все правила безопасности наизусть.

— Смотри, Кирилл, — говорит он глухим голосом, не отрываясь от экрана, где идет какой-то бесконечный сериал про ментов. — Это затворная рама. Видишь паз? Сюда входит ствол. Это не игрушка. Это инструмент. Инструмент для того, чтобы делать работу.

Я киваю, завороченно глядя на то, как блестящий металл скользит в моих детских пальцах. Я чувствую его вес. В этом весе есть истина. В нем нет лжи. Пистолет не притворяется твоим другом. Он просто выполняет свою функцию.

— А что за работа? — спрашиваю я.

Отец поворачивает голову и смотрит на меня сверху вниз. У него тяжелый взгляд. Люди говорят «тяжелый взгляд», но мало кто понимает, что это значит физически. Это когда ты чувствуешь давление на своей макушке, словно на тебя положили невидимую ладонь.

— Работа по защите порядка. Или по его восстановлению.

В тот момент я понял главное: мир делится на тех, у кого есть инструменты для работы с реальностью (власть), и на всех остальных. Я был «остальными». Я был слабым.

Воспоминание: Больница.

Мне три года. Я задыхаюсь. Пища не проходит в желудок, стоит колом в горле, вызывая рвоту при каждой попытке поесть. Я помню белые халаты и запах страха — моего страха перед этими людьми в масках.

— Кирюша, потерпи, — шепчет мама, но её голос доносится как из-под воды.

Операция на пищеводе. Они режут меня живьем (наркоз тогда был слабее или я был слишком мал). Я помню холод операционной и резкую, ослепляющую боль в груди. Это было мое первое столкновение с насилием со стороны системы (медицины). Они вторглись в меня без моего согласия, чтобы «починить». Они спасли мне жизнь, но сломали что-то внутри.

Вернемся в квартиру.

Отец встает с кресла и идет на кухню. Я слышу звон посуды.

— Опять ты играешь с этой дрянью? — голос матери режет тишину как нож масло.

Она стоит в дверном проеме кухни, вытирая руки полотенцем. В её глазах нет тепла ко мне. В них усталость и раздражение.

— Это не игра, мама. Это механика.

— Механика... — передразнивает она с горечью. — Ты бы лучше так учебник физики штудировал! Или математику! Ты же у меня умный! Ты же у меня **идеальный ребенок!**

Слово «идеальный» она произносит с такой интонацией, словно это проклятие или тяжелая ноша, которую она вынуждена нести ради соседей и учителей. Она постоянно твердит это: «Идеальный ребенок не дерется», «Идеальный ребенок получает пятерки», «Идеальный ребенок должен быть благодарен».

Я ненавижу это слово.

«Идеальный» означает «соответствующий чужим ожиданиям». Это значит быть пустым сосудом, который другие наполняют своими желаниями. Мать хотела видеть отличника в очках, а получила молчаливого ребенка с длинными волосами и странным блеском в глазах.

Отец возвращается из кухни со стаканом чая.

— Оставь его, Света. Пусть разбирает. У парня руки правильно поставлены.

Мать фыркает и уходит обратно к плите.

В этот момент я чувствую странное единение с отцом. Мы оба понимаем язык вещей: металла, механизмов, законов физики. Мы понимаем язык силы и порядка. Мать говорит на языке эмоций и социальных норм — языке лжи и компромиссов.

Я вставляю магазин обратно в рукоять пистолета. Щелчок звучит как приговор фальшивому миру моей матери.

Возвращение: Камера СИЗО Североуральска

Резкий лязг замка вырывает меня из прошлого так же грубо, как скальпель хирурга вырвал меня из детства много лет назад. Дверь камеры открывается со скрежетом несмазанных петель.

В проеме стоит надзиратель — молодой парень с прыщавым лицом и пустыми глазами.

— На прогулку.

Я смотрю на свои костыли у койки. Подняться — это целая процедура боли и унижения баланса. Я должен опереться на руки, подтянуть тело вверх так, чтобы не задеть культю о край железной кровати (один раз я это сделал — боль была адской), а затем поймать равновесие на одной ноге и схватить костыли.

Надзиратель нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

— Чего сидишь? Шевелись!

Я начинаю движение. Хватаюсь за спинку койки, подтягиваюсь. Мир на секунду кружится от прилива крови к голове. Я встаю вертикально на правой ноге (мой единственный якорь в этом мире), хватаю костыли и переносу вес тела вперед.

Стук... Стук... Стук...

Мы идем по коридору СИЗО к «двору». Это не двор в привычном понимании. Это бетонный колодец размером три на три метра под открытым небом (или крышей верхнего этажа), где небо виднеется лишь узкой полосой через решетку сверху. Стены выкрашены в грязно-синий цвет «под берлинскую лазурь», как шутят местные арестанты.

Надзиратель заводит меня внутрь и запирает дверь-решетку за моей спиной.

— Пятнадцать минут! — кричит он через прутья и уходит к следующему заключенному по коридору.

Я остаюсь один в бетонном стакане.

Здесь воздух чуть свежее, чем в камере, но все равно пахнет сыростью и отчаянием. Я делаю несколько кругов по периметру своей клетки. Семь шагов до стены с одной стороны костыля, разворот (самый сложный момент), семь шагов обратно другой стороной костыля.

Я смотрю вверх. Небо Североуральска сегодня серое, низкое. Оно давит своей массой так же сильно, как потолок камеры давит на психику.

И вдруг я ловлю себя на мысли: я чувствую себя здесь более свободным, чем тогда, когда был «идеальным ребенком» или студентом ПНИУ (Политехнического института Североуральска).

Там я был заперт в клетке чужих ожиданий и социальных норм. Я должен был улыбаться на лекциях по философии (бессмысленный набор слов), должен был делать вид, что мне интересны сплетни однокурсников о шмотках и тусовках (пустая трата времени). Я носил маску «нормального парня».

Здесь же маски больше нет нужды носить.

Здесь я тот, кто я есть на самом деле: механизм с поврежденным шасси (ногой), который выполнил свою функцию и теперь ждет утилизации или вечного хранения на складе забытых вещей под названием «Пожизненное заключение».

Я перестаю ходить и просто стою посреди бетонного квадрата, опираясь на костыли.

Я смотрю на серое небо через решетку над головой.

В этот момент я понимаю отца лучше, чем когда-либо раньше. Он пытался научить меня работать с инструментом реальности (пистолетом), чтобы я мог защитить себя от этого мира или изменить его под себя. Я усвоил урок слишком буквально.

Я стал тем самым инструментом разрушения реальности для целого города Североуральска.

И сейчас я смотрю на небо через прутья своей новой клетки так же спокойно и холодно, как смотрел тогда на блестящий металл пистолета Макарова в руках отца.

Я смотрю на мир глазами Бога — отстраненно и безучастно к суеде тех муравьев внизу, которых я напугал до смерти одним нажатием спускового крючка своего Huglu Atrox двенадцатого калибра.

Глава 4. Школа №12

Школа пахла хлоркой, подгоревшим молоком из столовой и страхом. Не тем животным ужасом, который я видел в глазах студентов двадцать третьего сентября, а другим — тихим, застарелым страхом маленьких зверьков, запертых в одной клетке. Запах был повсюду: въелся в линолеум коридоров, в парты, в потрепанные учебники. Я ненавидел этот запах. Он пах фальшью.

Я учился в двенадцатой школе Североуральска. Обычная серая коробка из кирпича, ничем не отличающаяся от сотен других таких же коробок по всей стране. Но для меня это был филиал ада на земле. Я был там чужеродным элементом, вирусом в здоровом, по их мнению, организме.

Воспоминание: Коридор на перемене.

Звенит звонок. Двери классов распахиваются, и коридор взрывается шумом. Топот сотен ног, визг девчонок, басовитый гогот парней. Это движение хаотично, лишено всякой логики. Это броуновское движение биомассы.

Я стою у стены, прижавшись к ней лопатками. Мой рюкзак — черный, тяжелый — висит на одном плече. Длинные, немытые волосы падают на лицо, создавая завесу, за которой я прячусь от этого мира. На мне черная толстовка с капюшоном, надвинутая так низко, что видны только губы и подбородок.

Они проходят мимо меня потоком. Я чувствую их запахи: дешевый дезодорант «Адидас» (подделка), запах пота и жвачки «Дирол». Они не задевают меня физически — инстинктивно обходят стороной, как река обтекает валун. Я для них — «странный». Не «ботаник», которого можно чморить ради самоутверждения (я всегда мог дать сдачи), а именно «странный». Тот, кого лучше не трогать, чтобы не испачкаться.

Я чувствую их мысли. Они думают о контрольной по алгебре, о том, кто с кем пойдет в кино в субботу, о новой модели телефона. Их мысли плоские, двухмерные. В них нет глубины. Они живут в плоскости «лайк-дизлайк». Я же видел мир в объеме, со всеми его острыми гранями и пустотой внутри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.